

И. И. ПОКРОВСКИЙ

НАЧАЛО ВОТЧИН ТОБОЛЬСКОГО И СОФИЙСКОГО ДОМА

Новосибирскими археографами подготовившаяся публикация ценных источников по сибирской истории 20—30-х годов XVII в., которые дают историку редкую возможность взглянуть, пользуясь документальными свидетельствами современников, на процесс создания одного из важнейших институтов русского средневекового общества — православной епархии.¹ Это первые переписные книги 1625 и февраля 1636 г. всего движимого и недвижимого имущества Тобольского Софийского дома, а также книга копий 108 документов деловой переписки 1621—1626 гг. между Москвой и Тобольском в связи с открытием в Сибири епархии и деятельностью первого ее главы архиепископа Кириана.² Источники эти, наряду с проблемами истории русской культуры, взаимоотношений церкви и государства, функционирования духовного суда и др., освещают процесс возникновения земледельческого хозяйства сибирских архиереев. Представленные сведения вызывают большой интерес, поскольку быстрое создание тобольских софийских вотчин происходило в тот период русской истории, когда государство, давно уже сдерживавшее рост церковного землевладения в Сибири, на первых порах поддерживало активные усилия архиепископа Кириана по аккумуляции в Софийском доме значительного земельного фонда.

Земельные владения сибирского архиерейского дома подробно зафиксированы в нескольких переписных книгах XVII в.; базировавшись на них, в основном на книгах 1625 г. и февраля 1636 г., мы лишь частично привели данные наспех и с большими ошибками составленной январской книги 1636 г. и неполной книги 1641 г.³ В то же время хорошую возможность наблюдать результаты исследуемых процессов к середине XVII в. дает переписная книга 1651 г.⁴

¹ Тобольский архиерейский дом в XVII в. / Изд. подг. И. И. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: «Сибирский хронограф» (в печати).

² РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 7, 74; ф. 210, кн. 171. Далее в тексте ссылки на эти три книги даются в круглых скобках, причем переписная книга 1625 г. обозначена литерой А, 1636 г. — литерой Б, а копия книги 1621—1626 гг. — литерой В.

³ Ромодановская Е. К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода / Отв. ред. И. И. Покровский. Новосибирск, 1988. С. 7—26; РГАДА, ф. 214, оп. 2, стб. 17.

⁴ РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 278.

Сопоставление переписных книг между собой сильно затруднено тем, что, как известно, описания подчас проводились по разным правилам. Так, книги 1625 и 1651 гг. обозначают плотище, земельных участков в челях и десятинах, тогда как книга 1636 г. дает лишь описание межей; зачастую с трудом сопоставимы сведения разных книг о населении архиерейских вотчин, количестве собранного хлеба и т. д. Данные переписных книг существенно дополняются сведениями, содержащимися в копиях грамот и отписок. Подобная взаимопроверка позволяет уточнить наши представления о земельных пожалованиях и частных сделках на землю, о быстроте освоения новых вотчин архиерейскими крестьянами.

Принципиальное государственное решение вопроса об открытии новой епархии сопровождалось предоставлением архиерейскому, его духовенству, служивым, двору значительного ежегодного содержания из казны — денежной, хлебной, соляной руги, что зафиксировано в первом же документе копийной книги (В, № 1).

Однако с самого начала Киприан по понятным причинам стремился перевести значительную часть обеспечения архиерейского дома всем необходимым для нормального функционирования и миссионерской работы с ненадежного государственного жалования на прочную базу собственного вотчинного хозяйства. Еще будучи в Москве, он был челом парю о первых земельных пожалованиях. Просьба удовлетворяется очень быстро, вместе с самыми ранними мероприятиями центра по созданию новой епархии: 10 января 1621 г. об этом подписывается царская грамота, которая значительно обгоняет в пути архиерея и будет доставлена в Тобольск архиерейским сыном боярским Дарионом Ефремовым 22 марта 1621 г. По этой грамоте Тобольский архиерейский дом получал свои первые вотчины недалеко от Тобольска, на другом берегу Иртыша: тут на 400 копей и 50 дес. пахотной земли за р. Курдюмкой; по представленным архиерейским сведениям, эти пашни и тут лежали впусте, не имея постоянных хозяев (В, № 7). Но затем оказалось, что сенокос покосы косят тобольские служивые и женские люди, а пашня находится в непосредственной близости от Тобольска и там расположена городская посекотина. Киприан просил царя выделить ему другие земли и покосы в нескольких местах — на городской стороне Иртыша большое сенокосное угодье Княжий луг, а также пахотные земли и покосы в двух других районах, где тогда возникли новые вотчины архиерейского дома — Тавдисская и Усть-Низинская. По царской грамоте от 20 января 1622 г. Киприан не только получил просимое в этих двух вотчинах, но М. М. Голунову было приказано под Тобольском отвести ему как покос на 200 копей в Княжем лугу, так и 30 дес. пашни на порожних землях (В, № 30).

Эти десятины и были отведены для Софийского дома, но не вместо прежних 50, а наряду с ними, так что на западном берегу р. Иртыш, за р. Курдюмкой, возникла монастырская вотчина, пменная пашни она восемьдесят десятин, а четвертные пашни будет на пятьдесят на три чети с третником в поле, а в дву по тому же, как о том свидетельствует переписная книга 1625 г. (А, л. 102 об.). Вскоре Киприан начал умело скупать пашенные земли, соседствовавшие с этой его вотчиной. Ему продал деревню Комарицкую

некий пахотный крестьянин — как свою замку, а Кириян так же посадил на эту землю своих крестьян, дав им подмогу из софийской казны (А, л. 110—110 об.); по переписной книге 1625 г. здесь уже числятся 5 дворов, в которых живет 7 душ м. п. (А, л. 107—109). Крестьянская запанка их дворов составляла в целом для первого года (поля) 5,25 четей, для второго — 15,75; подъем перепога для третьего поля был ко времени переписи 25 мая 1625 г. далеко не завершен и пока составил 4,5 чети. Это было лишь начало освоения удобной для хлебопашества земли — неосвоенными оставались еще 50 четей в одном поле. Рядом Кириян купил пустую деревню «что была Ивана Роговишикова» (стрелецкого пятидесятника), постоянного населения в 1625 г. здесь не было, 4,5 чети было освоено под господскую архиерейскую пашню одного года, а пустой земли оставалось по 10 четей в поле.

Законность подобных сделок купли-продажи государственной земли крестьянами с общегосударственной точки зрения крайне сомнительна, но, независимо от деятельности Кирияна, между юридической теорией и жизнью здесь был огромный разрыв. Государственнее «черносошные» крестьяне Русского Севера, Поморья сохраняли и в XVII в. вековые традиции распоряжения своей землей, а в Сибири 1620-х гг., когда лишь начинался интенсивный процесс колонизации при повсеместном господстве зимочно-захватного земледолюбования, крестьянин, как мы видим, и не сомневался в этом своем праве.⁵ В данном случае переписная книга еще сохраняет указание на то, что крестьянин продает свою «замку», в других случаях не будет и этого, но государев инзец тобольский сын боярский Василий Лутовинов со спокойной совестью признает собственнические права крестьянина и закрепит проданную им землю как архиерейскую вотчину.

Следующие страницы переписной книги 1625 г. показывают, что столь же свободно передавали свои земли Софийскому дому и представители других категорий населения — от рядового казака до первого воеводы М. М. Годунова. В качестве вклада (быть может, традиционнo — по благочестивым соображениям) воевода, недруг архиепископа, дарит ему свою деревню Матвеевскую. Земли близи нее передают Кирияну тобольские служилые люди разных чинов, начиная от таких влиятельных представителей служилой верхушки, как Гавриил Грозин, голова военных казаков, сын известного сподвижника Ермака, сын боярский Богдан Аринский, калачий атаман Третьяк Юрлов (все трое не раз руководили опасными походами, выполняли важные поручения), до рядового стрельца Леонтия Кузнецова, конного казака Исаака Еремеева. Есть в этом списке и представитель духовенства — ключарь Андриан, а два участка пашни и покосы вложена сестра архиепископа Кирияна Анна Тархова. Всего под деревней Матвеевской Софийский дом получил от частных лиц 11 пашин (без крестьян); общая площадь этих земель была втрое выше государственных пожалований и составила 167 четей в одном поле.

⁵ *Власов И. В.* Традиции крестьянского земледолюбования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984. С. 78—93, 106—125; *Келанов А. П.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 230.

Но и это далеко не все. Некто Кисель Базин дал вкладом в Софийский дом свою близлежащую деревню, архиепископ посадил на ней крестьян Федора и Михаила Еремеевых, и так возникла архиепископская деревня Кисельская в Сузуне; в 1625 г. в ней жило 4 души мужского пола крестьян, засевавших 4,5 чети хлеба в одном поле, но всего к деревне тянуло пашни и перелога на 100 челей да сенокосов на 500 копен. Рядом каким-то не обозначенным в книге образом архиепископ приобрел деревню Сузунскую над Таймынской (она же Безсоновская), где и посадил крестьянина Третьку Федотова. К 1625 г. тот неплохо отстроил свой двор, засеял по 2 чети хлеба в одном поле и 3 — в яровом; но и здесь были еще немалые земельные резервы — всего за этой деревней значилось 30 челей пахотной земли и перелога (А, л. 114 об. — 115 об.).

В подобных материалах книги 1625 г. как по этой, так и по другим софийским вотчинам хорошо отражен начальный этап земледельческого освоения Сибири даже под самым Тобольском, где уже немало земель имело своих частных владельцев, было еще далеко до земельной тесноты, часто упоминается перелог. Он постепенно переходил в трехполье, но при этом распахана была лишь небольшая часть пригодных земель, иногда это были первые два года земледелия с не освоенными еще всеми тремя полями трехполья. Но в любом случае площадь переложных земель и пустошей многократно превышает площадь реальной запашки.

Переписная книга 1625 г. указывает еще на два архиепископских владения под Тобольском, полученных по государевым указам. На западном берегу Иртыша вместе со всеми перечисленными землями Софийский дом владел мельницей на р. Шанталые, и здесь же были архиепископская конюшня и скотный двор. К весне 1625 г. это было процветающее хозяйство с амбарами, мельничным оборудованием, сельхозинвентарем. Здесь держали 20 лошадей и 26 коров, имелись сение покосы на 50 копен. Мельницу, конюшню и коровник обслуживали 7 чел. работных людей (А, л. 103 об. — 105).

Наиболее значительными сенокосными угодьями в Тобольском уезде Софийский дом владел на восточном берегу Иртыша, на Княжем дугу. Как уже упоминалось, Киприан получил 20 января 1622 г. царское пожалование на участок этого богатого сенокоса в 200 копен под Тобольском, который ранее уже косили жители города. М. М. Годунов сообщил в Москву о выполнении государева распоряжения в своей отписке от 31 сентября 1622 г.⁴ но при этом оказалось, что, как и в случае с пашней на р. Курдюмке, Киприан получил на Княжем дугу два участка сенокоса в 200 копен, указанные царем как компенсация, да еще 400 копен, указанные как компенсация воеводой (В, л. 75 об. — 77 об., 80 — 82). В переписной книге 1625 г. указаны оба отвода — 7130 и 7131 гт., но суммарный их размер — на 1000 копен (А, л. 105 — 106 об.). По нескольким грамотам Киприану передавались также рыбные ловли.

В целом данные переписной книги 1625 г. о вотчинах Софийского дома близ Тобольска можно свести в следующую таблицу:

⁴ В копийной книге ошибочно обозначено 31 сентября 7130 г., хотя несколькими строками выше этот год назван прошлым (А, л. 80 — 82).

№ п/п	Название владения	Крестьянские пашни			Соф. пашня	Пустыни в первом поле	Сенокос	Дворов	Чел. м. п.
		1-й год	2-й год	в среднем два г.					
1.	За р. Курдюмовкой	—	—	—	—	53 1/2	—	—	—
2.	Мешаница на Шангаловке	—	—	—	—	—	50,0	—	7
3.	Княжий путь	—	—	—	—	—	1000,0	—	—
4.	д. Комарина	5,25	15,75	10,5	—	50,0	?	5	7
5.	д. Рогозинин кова	—	—	—	4,5	10,0	50,0	—	—
6.	д. Матвеевская	2,0	2,5	2,25	16,0	—	—	—	—
7.	11 пустынь пашни	—	—	—	—	167,0	150,0	—	—
8.	д. Киселевская	4,5	4,5	4,5	—	100,0	500,0	1	4
9.	д. Сундукован	2,0	3,0	2,5	—	30,0	200,0	1	1

Таблица хорошо иллюстрирует быстрый рост ближних вотчин Тобольского архиепископского дома и первые успехи по их сельскохозяйственному освоению. В последнем отношении очень показательный рост запашки от первого ко второму году — с 13,75 до 25,75 четей. Возможно, уже устанавливается традиция перепахивания трех полей. Видно, что колонизация лишь начинается, вся эта запашка приходится на 7 крестьянских дворов. Появляются и запасы крестьянского хлеба, пока еще очень небольшие (да и сведения о них неполные), отмечены и значительные запасы софийского хлеба. Пустующих пахотных земель и сенокосов в этих вотчинах так много, что на них вполне можно было бы поселить еще не меньше сотни крестьянских дворов: главная проблема здесь не земля, а рабочие руки.

Другой комплекс софийских владений создан значительно западнее, в 5 днях пути от Тобольска, на р. Тавде. Здесь по той же царской грамоте от 20 января 1622 г. архиепископу Кириллу отводятся сначала 30 дес. пустующей пашни на острове между Тавдой и Тоболом, «на Заименье царя Кучнома» (В, № 32, л. 76 об.). В мае 1625 г. тобольский сын боярский Карл Павлуцкий, составляя переписные книги Тавдинской архиепископской вотчины, зафиксировал там, в с. Тавдинском и близлежащей деревне на р. Бачкыме, 18 крестьянских дворов и 4-х крестьян, еще не обзаведшихся дворами. Родосписных книг не указывала, таким образом в ней были поименно зафиксированы 22 крестьянина. Их совместная запашка составляла 17 дес. средней земли в одном поле, а пустующие резервы пашни определялись в 18 дес. в поле (в четях это составляет, соответственно, 34 и 36 четей), то есть тоже больше, чем предполагал Софийскому дому по государственной грамоте. Кроме того, крестьяне владели сенокосами на 605 копен. Писец отвел все эти земли архиепископу Макарию, не указывая юридических оснований возникновения собственности. Село Тавдинское (которое в переписных книгах 1636 г. и последующих будет уже именоваться слободой) тогда, в 1625 г., лишь начинало строиться: церковь еще не была достроена и освящена, ее священник, как и архиепископский приказчик не имели своих дворов и жили на постое в крестьянских дворах, коих в селе

(без деревни) было лишь 4. Но в архиепископских амбарах уже хранился немалый запас зерна — 189 четей разных хлебов, собранных с крестьян в качестве оброка («святого снопа» — А, л. 117—126 об.).

Третий крупный комплекс архиерейских владений создается в это время близ впадения р. Ницы в р. Туру. Переписная книга 1625 г. тобольского сына боярского Бориса Толбушина от 18 сентября 1625 г. пишет эту вотчину Усть-Ницанской слободой (А, л. 127—149 об.) — церковь там была построена еще в 7132 г. (у Г. Ф. Миллера ошибочно написан 7131 г. — это, видимо, год начала постройки (см.: А, л. 130)). История вотчинования Усть-Ницанской архиерейской вотчины уже давно описана в научной литературе, в первую очередь благодаря скрупулезной работе Миллера, скопировавшего в помещицком архиве и использовавшего в своей «Истории Сибири» три царские грамоты 1622—1624 гг. томенским воеводам, оформившие пожалование архиерейскому дому усть-ницанских земель,² в публикуемой деловой переписке находятся две царские грамоты тобольским воеводам 1622 г., извещающие и их об этих пожалованиях (В, № 30, 35).

Архиепископ Киприан присмотрел удобные земли при впадении р. Ницы в р. Туру еще во время своего путешествия из Москвы в Тобольск и посадил на этой земле 8 семей схаивших с ним крестьян. Он просит об оформлении этого владения и получении его царской грамотой от 20 января 1622 г. в связи с компенсацией за занятые земли под Тобольском. Это первое пожалование было дано на 100 дес. (200 четей) пашни и 400 копен сена. По второй просьбе Киприана оно было удвоено царской грамотой от 20 ноября 1622 г. Места там были удобные для земледелия, еще в 1617 г. были желающие переселиться туда из числа томенских ямщиков, государственных крестьян и служивых.³ Рядом возникли поселения государственных крестьян, однако многих привлекала и та поддержка, которую мог оказать земледельцам архиерейский дом, поэтому население софийской вотчины быстро росло. Тогда Киприан обратился к государю с просьбой о разрешении расширить свои ницанские владения, ибо предыдущие пожалования в 200 дес. были, по его словам, недостаточны для создания лишь первого из трех полей, а была нужна земля еще для двух полей. Просьба была выполнена — царской грамотой от 22 января 1624 г. тобольским воеводам князьям Михаилу Борисовичу Долгорукому и Юрию Афиногеновичу Редрикову повелевалось отвести Софийскому дому дополнительно в 200 дес. еще 400 дес. пахотной земли.

Сведения об этих отводах содержатся и в переписной книге Б. Толбушина 1625 г. Однако источник позволяет при этом существенно скорректировать картину вотчинования усть-ницанской архиерейской вотчины, утверждающуюся в литературе на основании царских грамот. Описывая эти земли осенью 1625 г., писец Б. Толбушин констатирует, что они состоят из двух значительных государственных отводов и небольшого частного вклада — Помещицкого

² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II, М.: И., 1940. С. 73—74, прилож. № 192, 203, 214. Первая из этих грамот оубликована также: Русская историческая библиотека. Т. II, СПб., 1875. № 127, II.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II, С. 73, прилож. № 198, 213.

посадского Сидоря Иванова (17 дес. пашни, 13 дес. пустоши и уго-
дн). О старом и новом государственных отводах говорится и в
наказе, данном Б. Толбушину тюменскими воеводами (А, л. 127—
129 об.). В соответствии с наказом Б. Толбушин сначала описал
прежние земли Софийского дома «первого отводу, что отводил по
государеву цареву... указу» сын боярский Неудача Степанов, а за-
тем — новые, отведенные писцом сыном боярским Иваном Текутье-
вым 30 октября 1624 г., как легко заключить из текста писцовой
книги — в соответствии с царской грамотой от 24 января 1624 г.
(А, л. 148 об.—149 об.).

Оказалось, что к 18 сентября 1625 г. пожалованные в 1622 г.
земли были уже довольно хорошо освоены — на этой земле в сло-
боду и починок стояли уже Троицкая церковь, 20 крестьянских и 1
священнический двор, 2 новые архиерейские житницы и конюшни с
12 господскими лошадьми. Книга перечисляет поименно 36 чел. за-
висимых крестьян (из них двое оброчных — в Тюмени). Мельница
построена на государственной земле, но мельник — из архиерейских
оброчных крестьян. В 20 крестьянских дворах 33 лошади и 53 го-
ловы крупного рогатого скота. Кроме того, у крестьян есть какое-
то число архиерейских лошадей, переданных им по кабалам. Посе-
ление быстро растет: книга отмечает, что на всех 5 дворах починок
и на одном дворе слободы постройки еще возводятся, в разной сте-
пени готовности, а несколько крестьян, живущих в чужих дворах,
пока не приступили к строительству своих, хотя подчас уже имеют
свой скот.

Большинство крестьянских дворов имеет от 3,5 до 8 дес. запаш-
ки (в трех полях), по 1—2 лошади, 2—4 головы скота. На этом
фоне выделяется несколько более крупных хозяйств: В. Клементье-
ва — 13,5 дес., Т. Феофанова — 17 дес., П. Ларюнова и И. Кири-
лова — вместе 18 дес., В. Кязинина (с 5 сыновьями) — 30 дес. (В
среднем по всем 20 дворам по 9 дес. в трех полях на двор.) Дворы
с большой запашкой имеют и большие постройки, например у В. Ка-
линина — «две избы, сеник с перерубом и с подъяезы, клеть на
погребе, житница, баня..., два овина» (А, л. 135). Данные об уро-
жайности, к сожалению, приводятся в списках негигиеничного размера.

Вместе с тем все это процветающее земледельческое поселение
занимает во всех трех полях менее 200 дес. пашни для первого поля
было освоено 55,5 дес., для второго — 64 дес., для третьего уже ус-
пели вспахать 58 дес., а «в недопашке» было еще 3,5 дес. Всего,
таким образом, в трех полях — 181,5 дес. Кроме того, зажиточный
крестьянин Тихон Феофанов добился от Кириана передачи ему
всей земли, подаренной Софийскому дому посадским Сидором Ива-
новым.

Однако, разместив на землях первого отвода все три поля
пашни крестьян новой слободы, архиерейский дом, вопреки сделан-
ным Кирианом царю утверждениям, далеко не исчерпал фонда
пригодной для хлебопашества земли. Писцовая книга 1625 г. кон-
статирует, что «за тою распашною землею осталась таковая земля,
непаханая, немерена, первого отводу» (А, л. 147 об.). В книге далее
описан значительный участок этой немеряной земли, отведенной
еще в 1622 г. Софийскому дому. И лишь затем следует описание

второго отвода И. Текутлева 30 октября 1624 г. (400 дес.). Согласно писцовой книге, осенью 1625 г. их освоение еще не началось.

Кириил, таким образом, обеспечил свои вотчины пригодной для пашни землей и угодьями с очень тщательным записом и расчете на будущую колонизацию. Расчет этот оказался вполне оправданным, увеличивающийся поток переселенцев и продуманная политика Софийского дома по привлечению земледельцев на свои земли приводят к тому, что, несмотря на значительные временные колебания и частую смену поселенцев, население софийских вотчин в первой половине XVII в. в целом возрастает, причем прежде всего — в наиболее важной Усть-Нильской волости.

Прямое сопоставление данных софийских переписных книг XVII в. о динамике народонаселения софийских вотчин затруднено из-за несоответствия методов описания: у нас не всегда есть уверенность, что по всех книгах последовательно поддерживается преобладающий принцип фиксации в крестьянском дворе всех душ мужского пола; в февральской книге 1636 г. (как и в ранее опубликованной январской книге 1636 г.) указаны, видимо, один дворохозяева, их детей и других родственников нет, как нет и числа дворов.

Учитывая это, можно следующим образом сравнить данные книг 1625, 1636 и 1651 гг.

1) В Тобольских вотчинах Софийского дома в 1625 г. зафиксировано дворов крестьянских — 7, крестьян — 12, работников мельницы — 7. По февральской книге 1636 г. здесь лишь 1 двор с 2 крестьянами, еще 5 дворохозяев числятся в умерших или умерших работников на мельнице не указаны.⁹ По книге 1651 г. — 9 крестьянских дворов, крестьян в них 21 чел., на двух мельницах 7 работников.

2) В Тавдинской вотчине в 1625 г. — 18 крестьянских дворов с 22 крестьянами (без членов семей); в феврале 1636 г. — 24 крестьянина (без членов семей).¹⁰ По книге 1651 г. здесь 33 крестьянских двора, в которых живут 82 чел.; кроме того, упомянуты 2 бобила, всего — 84 чел.

3) В Усть-Нильской слободе в 1625 г. 20 крестьянских дворов с 33 пашенными крестьянами (исключая родственников мужского пола), трое оброчных, из коих один мельник, а двое других живут в Тюмени. По февральской книге 1636 г. 41 крестьянский двор с 66 крестьянами, включая родственников мужского пола; 4 двора запустело.¹¹ В книге 1651 г. перечислено уже 143 крестьянских двора, с населением мужского пола в 305 чел. и, кроме того, 27 бобилей, всего 332 чел.

Мы видим, таким образом, что динамичнее всего развивалась Усть-Нильская вотчина, прочно занимающая ведущее место в земледельческом хозяйстве Софийского дома. Менее устойчиво собственно крестьянское хозяйство вотчинного комплекса Тобольского

⁹ По январской книге 1636 г. — 1 двор с 1 крестьянином в «ягоме», в убытках — 4 дворохозяев, на мельнице остался 1 пастух. По обоим книгам 1636 г. указаны также оброчные бобилы, живущие в Тюмени и Тобольске, а не в деревнях. В февральской книге указано, что ранее их было 48 и 30 чел. соответственно, но многие бежали и в двух городах остались в наличии лишь 17 и 16 чел.

¹⁰ По январской книге 1636 г. — также 24 крестьянина.

¹¹ По январской книге 1636 г. — 43 двора, 69 крестьян мужского пола.

уезда с его значительными возможностями социальных и иных подвижек. В 1620—1630 гг. основную роль здесь играют не крестьяне-дворохозяева, а живущие в городах бобыли, более половины которых в 1636 г. числятся в убытых. Но зато тут, в непосредственной близости от Тобольска, развивается архиерейское мукомольное хозяйство, находятся софийские конюшни и скотный двор (в 1625 г. 20 лошадей и 26 коров, в 1651 г., соответственно, 34 и 34), богатые сенокосы.

В 1641 г. создается новая процветающая вотчина Софийского дома в низовьях р. Туры, на хороших землях и на главном торговом пути в Тобольск. Вотчина началась с земельного вклада в 150 дес. и 500 копен севных покосов, подаренного архиерейскому дому Тюменским Преображенским монастырем. И хотя на просьбу архиепископа Герасима об утверждении прав владения этой землей царь ответил отказом и даже более общим запретением любых новых вкладов в Софийский дом, последний успел построить на этой земле церковь Покрова, переселить в новое поселение 20 крестьянских семей, а затем и значительно расширить новую вотчину, до се левобережья в 1643 г.¹² Переписная книга 1651 г. фиксирует в Покровской слободе (с двумя деревнями) 40 крестьянских дворов с 111 жителями мужского пола и еще 12 бобылей, всего — 123 чел. Слобода имела и военное значение, там был сооружен острог.

Земледельческие вотчины Софийского дома в первые же годы своего существования взяли на себя основную тяжесть снабжения хлебом всего архиерейского двора и удовлетворения других его нужд, включая немалые расходы по миссионерской деятельности. Если при открытии спархии государственная хлебная руга была определена в 1236 четей (В, № 1, л. 7), то вскоре этот оклад стал сокращаться, в 1638 г. он был временно заменен деньгами, а в 1642 г. отменен вообще.¹³ В то же время по переписной книге 1636 г. (февральской) в Усть-Низанских архиерейских амбарах лежало 2108 четей господского хлеба (и 168,5 четей было роздано в доли), в Тавдинских — 228,5 четей (и 73,5 четей роздано в доли).¹⁴ В 1651 г. в Усть-Низе было 1935 четей архиерейского хлеба,¹⁵ и Тавдинской слободе — 156 четей, в Покровской — 415,5 четей. По свидетельству служителей архиерейского дома, в 1624 г. все вотчины давали в Софийский дом более 2000 четей хлеба,¹⁶ а в 1651 — более 4100 четей. В 1639 г. архиепископ Нектарий сам дал в доли правительству 2000 четей хлеба.¹⁷

Быстрое и успешное развитие земледельческого хозяйства Софийского дома объясняется не в последнюю очередь умелой хозяйственной политикой. Источники позволяют выделить здесь два су-

¹² См.: Буцицкий П. П. Сибирские архиепископы Маврикий, Нектарий и Герасим. Харьков, 1891, С. 54—56. В 1645 г. на 300 дес. наши государственным указом была расширена и Усть-Низанская вотчина. И это несмотря на политику ограничения церковного землевладения, проводившуюся в 1640-х гг.

¹³ Там же, С. 30.

¹⁴ Тобольские амбары менее показательны, ибо в них был и ружонный хлеб.

¹⁵ И около 750 четей было уже отпущено в Тобольск.

¹⁶ Буцицкий П. П. Сибирские архиепископы... С. 5.

¹⁷ Там же, С. 33.

нественных момента: форму ренты и метода экономической поддержки и закрепления новоприходцев.

Переписные книги практически не содержат упоминаний о барщине, барской запашке на архиерейской земле как форме ренты, хотя этот тип источника обязан был бы зафиксировать ее, если бы такая аренда имела. Небольшое легко объяснимое исключение находим в разделе о Тобольских вотчинах книги 1625 г. Здесь отмечено, что купленная у Ивана Роговишикова, сиротского пятидесятника (книга 1636 г., л. 160), запустевшая деревня имела участок земли в 4,5 чети с уже посеянной на 1624/25 год рожью (А, л. 110 об.). Более значительная попытка заведения господской пашни была сделана в том же году в соседней деревне Матвеевской — 16 четей, недавно подаренной Софийскому дому боярином Матвеем Годуновым (А, л. 111); возможно, это тоже пережиток отношений при прежнем владельце, но характерно, что в книге 1636 г. этой деревни нет вообще (видимо, запустела вместе с соседними), а по переписи 1651 г. здесь 5 дворов с 8 оброчными крестьянами, барской запашки нет и в помине. В остальных случаях книги фиксируют оброчные отношения в софийских деревнях: «А пашут оне (архиерейские) крестьяне — II II) ту пашню и сена косят на себя. А на архиерейскою пашню не пашут и сена не косят» (А, л. 186 об.); «а с тех своих пашиншек в софийскую казну дают пятой спой» (Б, л. 178 об., 184 об.).

В вотчинах Софийского дома не следуют обременительной для крестьян практике сибирской государственной деревни с ее десятинной пашней, а вводят куда более привлекательный для крестьян натуральный оброк, приликая ту его норму, которая традиционно существует для всех сословий земледельцев, плативших этот оброк государству: 20%. И лишь много позднее, в 1667 г., при архиепископе Корнилии, софийские власти Усть-Ицидской слободы попытаются увеличить размер ренты, ввести «прибыльные архиерейские подати, запасы и пашель», что тут же вызовет организованное сопротивление крестьян.¹⁵

Важное значение для закрепления рабочей силы в архиерейских вотчинах имели такие меры экономического характера, как предоставление своим крестьянам помощи деньгами, хлебом, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем. Помощи далеко не безвозмездной, оформлявшейся традиционным способом — заемными кабалами. Равнительные церковные управители давно уже поняли, что это в конечном счете наиболее выгодный метод использования денег и хлеба в хозяйстве. Он широко применялся в провинциальных церковных хозяйствах Европейской России, хотя и вызывал понятные сомнения у некоторых богословов иезуитского направления именно потому, что заем под проценты («росты») является формой осуждаемого христианством ростовщичества. Напомним, что спор о допустимости «ростовничия» с особой остротой вспыхнул на известном церковном соборе 1531 г., когда Василий Патрикеев и Максим Грек категорически заявили, что нельзя причислять к явку

¹⁵ Покровский И. И. Неизвестный документ о положении усть-ицидских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 178—184.

святыя Пафнутия Боровского и некоторых других монастырских руководителей, кои «мутотворца и ретоймца были», «держали села и на деньги росты имели».¹⁹ Осибянские деятели, однако, не считали подобные возражения существенными, и подарком одно из наиболее значительных выступлений XVI в. связано как раз с практикой насильственной раздачей денег в долг властями Иосифо-Волоколамского монастыря своим крестьянам.

В Сибири, однако, крестьянину без помощи в первое время было почти невозможно завести пионерного хозяйства на необжитых еще землях. Это хорошо понимало и государство, регулярно выделяя воєводам деньги для раздачи их в долг первопереселенцам, покупки для них лошадей, сошников и т. д. Подобной же практики сразу стал придерживаться на своих землях и Софийский дом.

Переписная книга 1625 г. содержит обширнейший список находящихся в софийской казне кабан (А, л. 76—93 об.). Из 139 перечисленных здесь кабан в 135 случаях деньги брали пашенные крестьяне усть-иницанской и других вотчин; время получения этих займов — 1622—1624 г. Крестьяне по этим кабанам получали займы из софийской казны 1396 р. 97 коп. и 252 четя ратного зерна и муки. В той же книге после описания усть-иницанских софийских крестьян отмечено, что перечислены в этих дворах кони и корова — «явюд из крестьянских. А которые крестьяне имели кони не софийской казны, и в тех конех архиепископ Кирилий Сибирский и Тобольский имел на тех крестьян в софийскую казну кабан» (А, л. 137 об.). Возможно, стоимость коней была указана в этих кабан, оформленных как денежный заем (упомянутый выше список кабан начинается как раз с кабан на усть-иницанских крестьян (см. А, л. 76—79 об.)), но, быть может, имелись на этот тяжелый скот и отдельные кабаны, не перечисленные в источнике. Несомненно, что какая-то часть господских лошадей и сельскохозяйственного инвентаря, упомянутых в переписных книгах, предназначалась для подобного займа — подмогой новым крестьянским хозяйствам.

Эта практика продолжала применяться властями Софийского дома и после 1625 г., причем во всевозрастающих размерах. В февральской книге 1636 г. указано, в частности, что усть-иницанским крестьянам было роздано в долг 168,5 четей хлеба, тавдинским «за семена и емен» в 7143 г. 69,5 четей, а в следующем году 228,5 четей (Б, л. 176, 180 об. — 181 об.). В результате деятельности архиепископа Нектария в софийской казне ко времени оставления им тобольской кафедры в 1640 г. находилось 756 кабан на пашенных крестьян и впродолжение на других людей, общей суммой 1906 р. и хлеба 2323 четя; крестьян в софийских вотчинах было в это время 427 чел.²⁰

Следует отметить, что столь широкая практика займов по кабанам собственным крестьянам имела целью не установление в архиепископской вотчине отношений кабального холопства, социальный статус должника при этом не менялся, они продолжали именоваться в документах (и в тех же переписных книгах) софийскими пашен-

¹⁹ Котлякова Н. А. Восточный Патриархат и его сочинения. М.: Л., 1960. С. 287; Игровый Н. И. Судные списки Мавретья Грека и Невака Собака. М., 1971. С. 112.

²⁰ Буцковский П. П. Сибирские архиепископы... С. 50.

ными (оброчными) крестьянами. Цель займа — стимулирование хозяйственного освоения крестьянами софийских земель и укрепление на них работников отнюдь не на холопском праве, а на праве крестьянского держания.

И хотя сибирское земледельческое население в целом достаточно подвижно, на землях крупных архиерейских вотчин, и в первую очередь Усть-Нильской, складывается ядро крестьянских семей, устойчиво связанных со своими наделами. В этом отношении интересны данные февральской книги 1636 г., при составлении которой было обращено особое внимание на выявление запустевших земель, крестьянского ухода. Как мы упоминали выше, особенно сильное запустение было зафиксировано этой книгой для небольших тобольских вотчин, где вместо 7 дворов с 12 крестьянами в 1625 г. теперь оказалось «я живущем» лишь двое крестьян в одном дворе, что их хозяева «розбрешеня бесесно» (в том числе и получавшие архиерейские деньги в долг — Богданко Иванов Мошеник и др.). Но в Тавдинской и Усть-Нильской волостях положение иное: в первой отмечено 24 «живущих» крестьянских двора и ни одного запустевшего, а во второй на 41 «живущий» двор 4 запустевших, хозяева которых «сбежали» (Б, л. 178 об.). Переписная книга 1651 г. ни в одной из софийских вотчин запустевших дворов не указывает.

Более подробные сведения февральская книга 1636 г. приводит о софийских бобылях, проживавших в городах Тобольске и Тюмени. Налицо их 78 окладов: 33 чел., а из отсутствующих умерли 6 чел., перешли в ямники 5 чел., в служилые (казаки и стрельцы) 4 чел., в государственные крестьяне 1 чел., убежали в Енисейск 4 чел., в Мангазей 4 чел., в Красноярск 1 чел., «к Русо» 2 чел., пострижены 1 чел., «скитается меж двор» 1 чел., ушли неизвестно куда 13 чел. (Б, л. 155—157 об., 172 об.—174 об.).

Отметим, наконец, что упоминавшие в переписных книгах начиная с самой первой, 1625 г., среди лиц, проводивших описание вотчин и измерение различных запасов, представителей мирских организаций — земских дьячков и целовальщиков (А, л. 129; Б, л. 175) свидетельствует, что эти организации появляются здесь на первых же этапах колонизации. Для государственной деревни 1620-х гг. (включая земли на Усть-Ниле) это было уже давно известно,²¹ а сейчас мы получаем синхронные свидетельства источников и для общины на софийских землях. Понятия и дальнейшая синхронность известий об активных действиях мирских организаций во главе со старостами как на государственных, так и на софийских землях во время крестьянских волнений 1660-х гг.²²

Такова в основных чертах картина возникновения и первой половине XVII в. землевладения крупнейшего церковного вотчинника Сибири Тобольского архиерейского дома.

²¹ См.: Шунков В. П. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 188, 189; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 36—39.

²² См.: Покровский Н. Н. Неизвестный документ... С. 182—183.